

Обидина Юлия Сергеевна

д-р филос. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ТОПОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА У ДРЕВНИХ РИМЛЯН

***Аннотация:** в данной статье обобщены представления о римском загробном мире. Рассмотрены проблемы при изучении римского Аида. Обоснованы выводы о том, что при визуализации подземного царства римляне прибегали к пространственной реконструкции, использовали специфические природные или архитектурные элементы, напоминавшие письменные описания загробного мира, вдохновлялись широко распространенной культурной и религиозной традицией, а не только заимствовали греческие представления.*

***Ключевые слова:** загробный мир, Древний Рим, Эней, Аид.*

Одной из главных проблем при изучении римского Аида является отсутствие исследований по его локализации и топографии, которые могли бы ответить на фундаментальные вопросы, такие как: Что представляет собой Аид? Каковы элементы, составляющие его структуру? Как души взаимодействуют с окружающим пространством и живыми людьми? Попытки исследовать обстановку загробного царства, соотношение света и тени, растительность, реки и пейзажи, ограничивались ранними греческими источниками, полностью игнорируя позднюю римскую традицию.

Исследователей больше интересуют технические аспекты римского погребального обряда и культа [4, р. 84–106], нежели антропологические и философские подходы к развитию представлений о загробном мире и посмертной участи [7; 6, р. 59–60], или сравнительный анализ различных систем верований [2, s. 182–189; 6, р. 396–398; 8, р. 61–64].

Вергилий и другие латинские авторы описывают Аид как таинственное и далекое место, которое не имеет никакого контакта с миром живых, кроме пещеры, которая выполняет функцию прохода между двумя мирами.

Франц Кюмон считал, что римляне просто переняли и адаптировали греческие концепции, определяющие и формирующие представления о загробном мире, оставив мало возможностей для оригинальных или независимых представлений [5]. В качестве источников римских представлений об Аиде называют «Одиссею» Гомера, диалоги Платона и сцены росписи афинских ваз, появившиеся за 400 лет до написания «Энеиды». Тем не менее, путешествие Энея в загробный мир сильно отличается от путешествия Одиссея, так как Эней путешествует в загробном мире сам, а Одиссей переживает это путешествие через общение с вызванными с помощью специального ритуала душами мертвых. Кроме того, ритуал Одиссея происходит на краю ойкумены, в мифическом и неизвестном месте, в то время как Эней находит вход в Аид в пещере, расположенной в известном регионе Италии, знакомой большинству читателей «Энеиды». Наконец, в отличие от гомеровской традиции, Аид Вергилия изображен в самых мельчайших деталях, с целью убедить читателя / слушателя, что он шел вместе с Энеем. Различаются также конкретные географические и топографические особенности [1, с. 7–16].

Существует также точка зрения, основанная на свидетельствах Цицерона, Сенеки и Ювенала, что для римлян представления о загробном мире были сродни «детским сказкам», поэтому римляне и не придавали столь большого значения представлениям об Аиде, как это делали греки. Однако на данное обстоятельство можно посмотреть и с другой стороны. Литературный скептицизм в отношении загробного мира может быть и свидетельством того, что римские авторы имели весьма детальное представление о царстве Аида, но этот образ находился в противоречии с наличными религиозными практиками. Так же как и римское общество имело некую общую осведомленность о топографии подземного мира и его основных чертах. Свидетельством тому может служить поэма Лукреция «О природе вещей» [Lucretius. *De Rerum Natura*, III. 978–1023].

В стремлении свести к минимуму важность римских представлений о потустороннем мире, некоторые ученые давали весьма сомнительную трактовку письменным источникам. Например, «Тускуланские беседы» Цицерона чаще

всего упоминаются как пример того, что римские интеллектуалы выступали против верований о загробном мире [Cicero. *Tusculanae Disputationes*, I.V.10]. Почти сто пятьдесят лет спустя, Ювенал возродил концепцию Аида как любимого предмета народных рассказов и легенд [Juvenal. *Satires*, II. 149–154].

Как и Цицерон в своих диспутах, Ювенал демонстрирует отличные знания области Аида. Он весьма детально описывает сложную гидрографию подземного мира, точно определяет местонахождение лодки Харона на берегу Стикса. Ювенал снова описывает Аид в «Сатирах» [Juvenal. *Satires*, XIII. 49–52]. Это описание соответствует другим ранним и современным Ювеналу источникам, подтверждающим существование среди римлян последовательного мысленного образа Аида, который помещал царство мертвых среди мнимых земель.

Даже Сенека, говоря о страхе смерти, идет рука об руку с современными ему описаниями мучений грешников в Тартаре, воспроизводя в деталях самые узнаваемые достопримечательности этого региона [Seneca. *Epistulae*, III. XXIV. 18]. Несмотря на то, что Сенека здесь пытается рационализировать страх смерти путем отбрасывания поверий, в своих трагедиях он в значительной степени опирается на тех же персонажей и топографические особенности загробного мира, которые знакомы его аудитории.

Из отрывков римских авторов, пишущих во времена поздней республики и ранней Империи видно, что римское общество в целом имело довольно четкое представление о хтонической области, характеризующейся повторяющимися топографическими особенностями. Что еще более важно, личные религиозные или философские убеждения автора или аудитории не стоят на пути психической визуализации расположения Аида.

И, наконец, самым главным препятствием в изучении топографии Аида является невозможность определения долгосрочных поведенческих моделей римлян в отношении к смерти. В период империи последовательное возвышение различных философских школ, таких как эпикурейцев или пифагорейцев и различных религий – орфизма, митраизма и христианства, вызвало глубокие изменения

в самом понятии судьбы души после смерти. Эти изменения можно рассматривать в качестве основных факторов, оказывающих влияние на саму природу загробного мира и вызывающих постоянные преобразования в топографии Аида. Следовательно, долгое время бытовало мнение, что исследования долгосрочных аспектов топографии загробного мира у римлян обречены на неудачу.

Тем не менее, при анализе письменных источников и погребальных памятников эпохи империи, очевидно, что философские и религиозные новшества, которые повлияли как политеистический пантеон и ритуалы, связанные с ним, не стирают ранее существовавшие верования в дислокацию Аида. Скорее всего, эти нововведения были включены в традиционную систему верований, лишь в минимальной степени трансформировав существующие топографические представления о Преисподней. Альтернативные представления о хтонической топографии строились на основе набора повторяющихся элементов, подвергавшимся лишь незначительным изменениям во времени.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка выйти за рамки консолидированных аргументов о зависимости римского Аида от греческой традиции, и ограничить скептицизм по поводу стойкости римских политеистических верований, препятствующих исследованию топографической природы Аид самой по себе.

Список литературы

1. Обидина Ю.С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии // Запад-Восток. – 2016. – №9. – С. 7–16.
2. Banti L. Il culto dei morti nella Roma antichissima // Studi italiani di filologia classica. – 1929. – №7. – S. 171–198.
3. Ballabriga A. The Topography of Hell in Archaic and Classical Greek Literature // Greek and Egyptian Mythologies / Eds.Y. Bonnefoy, W. Doniger – Chicago, 1992. – P. 112–114.
4. Bernstein A.E. The Formation of Hell: Death and Retribution in the Ancient and Early Christian Worlds. – Ithaca, 1993.

5. Cumont F. After life in Roman paganism; lectures delivered at Yale University on the Silliman foundation. – New Haven, 1922.
6. Cumont F. Lux Perpetua. – Paris, 1949.
7. Fowler W.W. Mundus Patet. 24th August, 5th October, 8th November // The Journal of Roman Studies. – 1912. – №2. – P. 25–33.
8. Toynbee J.M.C. Death and burial in the Roman world. – Ithaca, 1971.